

ПАМЯТЬ

ЦЕЛАЯ ЭПОХА

Михайловна
Гинстлинг

14-6) 03.06
(март)

Эсфирь Михайловна Гинстлинг (1904–1993) стояла у истоков формирования современной отечественной керамики. Ее первые работы в керамике были выполнены еще в 1930-х годах, а последняя — эскиз новой большой работы — всего за несколько дней до смерти, последовавшей 1 сентября 1993 года.

Творческий путь, пройденный Э.М. Гинстлинг, — это целая эпоха в истории советской керамики, а созданные ею в разные годы работы отражают основные этапы развития отечественной керамической школы более чем за 60 лет. Учителями и «воспитателями» художницы были такие выдающиеся педагоги и яркие творческие личности, как Чайков, Ефимов, П.Кузнецов, Фаворский, Татлин, Павлинов, Бруни. Отсюда, видимо, разносторонность дарования Э.М. Гинстлинг — блестящей рисовальщицы, изысканной колористики, пластически и образно-пространственно мыслящей художницы. Прошедшая в залах Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства выставка была приурочена к столетию со дня рождения художницы. Она в полной мере отразила многогранность ее творчества: в экспозиции представлены графика, фарфоровая посуда, декоративная керамика и скульптура.

Особое внимание привлекает коллекция небольших, почти игрушечных чайничков, выполненных из красной глины, ни один из которых не повторяется. История их появления — еще один штрих к творческому портрету Э.М. Гинстлинг. Возвращаясь поздними вечерами из мастерской домой на метро, она любила наблюдать за окружающими ее людьми, фиксируя опытным глазом художника различные характеры, создавая мысленные портреты, которые затем воплощала в чайничках, стараясь через их пластику передать тот или иной образ.

Э.Гинстлинг. Конек-Горбун. Керамика. 1940

Э.Гинстлинг. Портрет Файзуллы. Терракота. 1950-е годы

Э.Гинстлинг. Производство художественной керамики. Рельеф. Керамика. 1973

Кажется, Пикассо сказал: «Художник должен жить долго». Это чистая правда: долгая жизнь соединяет эпохи мостом личного присутствия. И общество нуждается в этом не меньше, чем отдельный человек.

Бабушка прожила без малого девять десятков лет. Помню свое потрясение, когда в детстве я вычислил, что она могла видеть Царя. И живого Блока. Она была во вполне сознательном возрасте, когда началась Первая Мировая — и дожидаясь возвращения трехцветного флага, до реабилитации, а затем и прославления своих ошельмованных учителей и кумиров... хотя слова «формалист» боялась до конца своих дней. Но чугунная давящая «социалистическая» оказалась менее долговечной, чем те, кого она предполагала искоренить.

Бабушка принадлежала к исчезающей породе художников, полагающих творчество главной ценностью и радостью жизни. Она могла бы с полным правом повторить слова пушкинской русалочки: «...а что такое деньги, я не знаю...»

Остается только изумляться, как она умудрилась уцелеть в кровавой толчее двух мировых войн и двух революций, не сломаться в изматывающей нищете эвакуации и послевоенного быта, дважды одолев смертельную, не оставляющую шансов болезнь — и при этом не только в одиночку вырастить мать, но до старости сохранить неисчерпаемые ресурсы героической веры в справедливость и конечное торжество добра. Под аккомпанемент хруста костей и треска речей она прожила прозрачную и наполненную искусством жизнь в стойкой верности самому отчаянно-му идеализму.

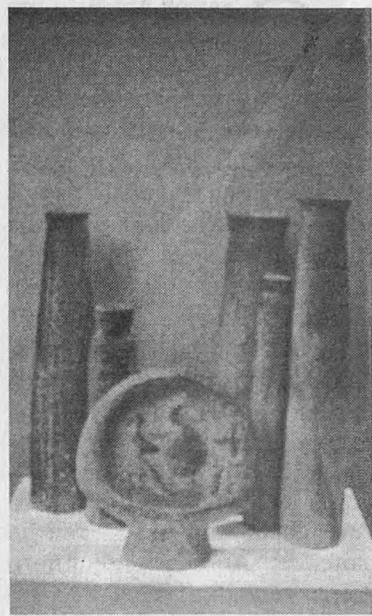
Она и сама стала к концу жизни прозрачной, почти бестелесной. На вопрос: «Что ты сегодня ела?» — она со слабой извиняющейся улыбкой неизменно отвечала: «Я пила чай...»

Я привык видеть ее читающей, рисующей, но никогда не видел праздной. Чем меньше она говорила, тем больше трудилась душой, и тем необыкновеннее становилось ее и без того далеко незаурядное лицо.

Она всегда учила меня (как в свое время научили ее), что композицию неодушевленных предметов следует называть не «натюрморт», а «штиль лебен» — «тихая жизнь». Она и сама была проявлением такой «тихой жизни» — высшей ее формой, самобытной личностью, которая никого не использует, никому не завидует и никуда не спешит.

Она умерла 1 сентября, в день, когда мой сын, ее правнук, пошел в первый класс. Словно оставила капитанский мостик, проследив за тем, чтобы основанная ею династия продолжала развиваться в правильном направлении. Душа окончательно растопила тело и растаяла в первом осеннем дне — таком же, в какой однажды пришла в мир.

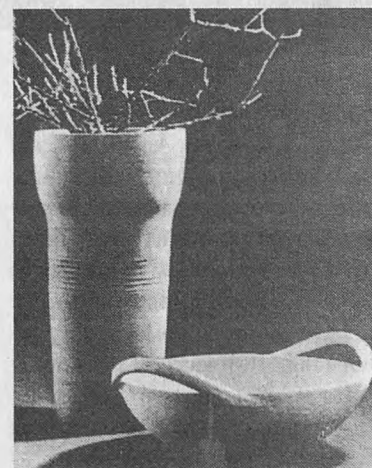
И поэтому я всегда особенно сильно ощущаю ее присутствие осенью, когда деревья становятся рыжими. Как она.

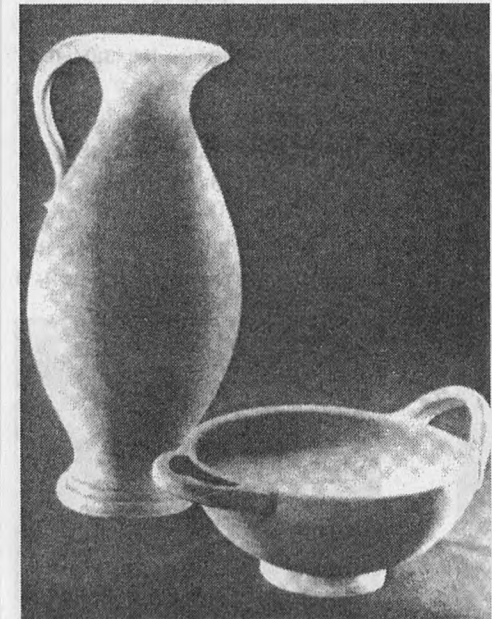
Э.Гинстлинг. Декоративная пластика «Керамическое производство». Керамика. 1975

Э.Гинстлинг. Ваза «Урожай». Керамика. 1970

Э.Гинстлинг. Ваза и чаша «Осень»

Э.Гинстлинг. Композиция из двух форм «Голубой кушвин». Шамот. 1976

Э.Гинстлинг. Горн. Ваза и фляга. 1963

Э.Гинстлинг. «Художники-керамисты». Керамика. 1960-е годы